

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ

Перый изслѣдователь Центральной Азіи
Николай Михайловичъ
Пржевальскій

21(5)
X-5/12

ВЪ СЕРДЦЪ АЗИИ

(Памяти Н. М. Пржевальскаго)

Очеркъ
П. К. Козлова

Съ 29 рисунками и портретами въ текстѣ, 2 картинами
въ краснахъ и картой путешествій Н. М. Пржевальскаго.

*Незабвенной памяти учителя
Николая Михайловича Пржевальского
великаго изслѣдователя Центральной Азии
посвящаетъ свой трудъ
Учехикъ.*

23285

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ.

I. Ранніе годы Н. М. Пржевальскаго и его первая двѣ экспедиціи въ Азію.

Двадцатаго октября 1913 года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти великаго русскаго путешественника Пржевальскаго... Въ этотъ день Россія достойнымъ образомъ почтила свѣтлую память своего до- блестнаго сына... Николай Михайловичъ Пржевальскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ счастливыхъ людей, ученая дѣятельность которыхъ еще при жизни была оцѣнена, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границею... Имя Пржевальскаго довольно произнеси, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Подобно маршалу Нею, Пржевальскій могъ сказать: *«у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, но я сама буду хорошиимъ предкомъ».*

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Корнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Дѣдъ Николая Михайловича воспитывался въ иезуитской школѣ въ Полоцкѣ, но до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Ѧомича. Одинъ изъ двухъ сыновей послѣдняго, а именно Михайль Кузьмичъ, женившійся на дочери помѣщика Смоленской губерніи, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой, есть отецъ Николая Михайловича (род. 31 марта 1839 года).

Михайль Кузьмичъ, будучи слабого здоровья, оставилъ военную службу въ чинѣ поручика и, вскорѣ послѣ женитьбы, основался на житье въ той же Смоленской губерніи и уѣздѣ, въ имѣніи «Отрадномъ», рядомъ съ родовымъ гнѣздомъ своей жены.

Въ «Отрадномъ» Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости и былъ подготовленъ къ поступленію въ Смоленскую гимназію. Блестящія способности и феноменаль-

ная память скоро сдѣлали Николая Михайловича однимъ изъ первыхъ учениковъ. Имѣя всего 16 лѣтъ, онъ уже окончилъ курсъ гимназіи и, какъ человѣкъ впечатлительный и энергичный, подъ впечатлѣніемъ героическихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, рвался на войну.

— «Наконецъ,—говоритъ Николай Михайловичъ,— наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. «Станьте здѣсь и молитесь»,—обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней.—«Да сохранить тебя Господь Богъ во всей твоей жизни»,—сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ, какъ ребенокъ»...

Служба въ полку велась очень плохо: на юнкеровъ не обращали вниманія, офицеры проводили время среди картъ и кутежей. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если воздержаніе ему удавалось, то онъ заслуживалъ общее уваженіе среди товарищей-кутилъ. Николай Михайловичъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который, заставляя его пить и получивъ отказъ, сказалъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ,—говорили другіе офицеры:—а только среди насъ.

«Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи», пишетъ Пржевальскій, «потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ

гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной дѣли»...

Тогда онъ рѣшилъ основательно учиться и вскорѣ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, по желанію, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, съ правами второго разряда окончанія академіи. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ юлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и затѣмъ вскорѣ назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ полка, Николай Михайловичъ однажды спасъ, съ помощью ихъ, одного изъ товарищей отъ суда за растрату (по опрометчивости) казенныхъ денегъ. «Товарищъ нашъ, поручикъ К.,—писалъ имъ Н. М. Пржевальскій,—при сдачѣ должности полковаго квартирмейстера, оказался виновнымъ въ растратѣ... и долженъ поплатиться своею службою. Но дѣло еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его... Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмейстеромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ

этого... мы докажемъ... что общество... нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К. Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаниемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: «я спасъ своего товарища, я сдѣлалъ святое, честное дѣло».

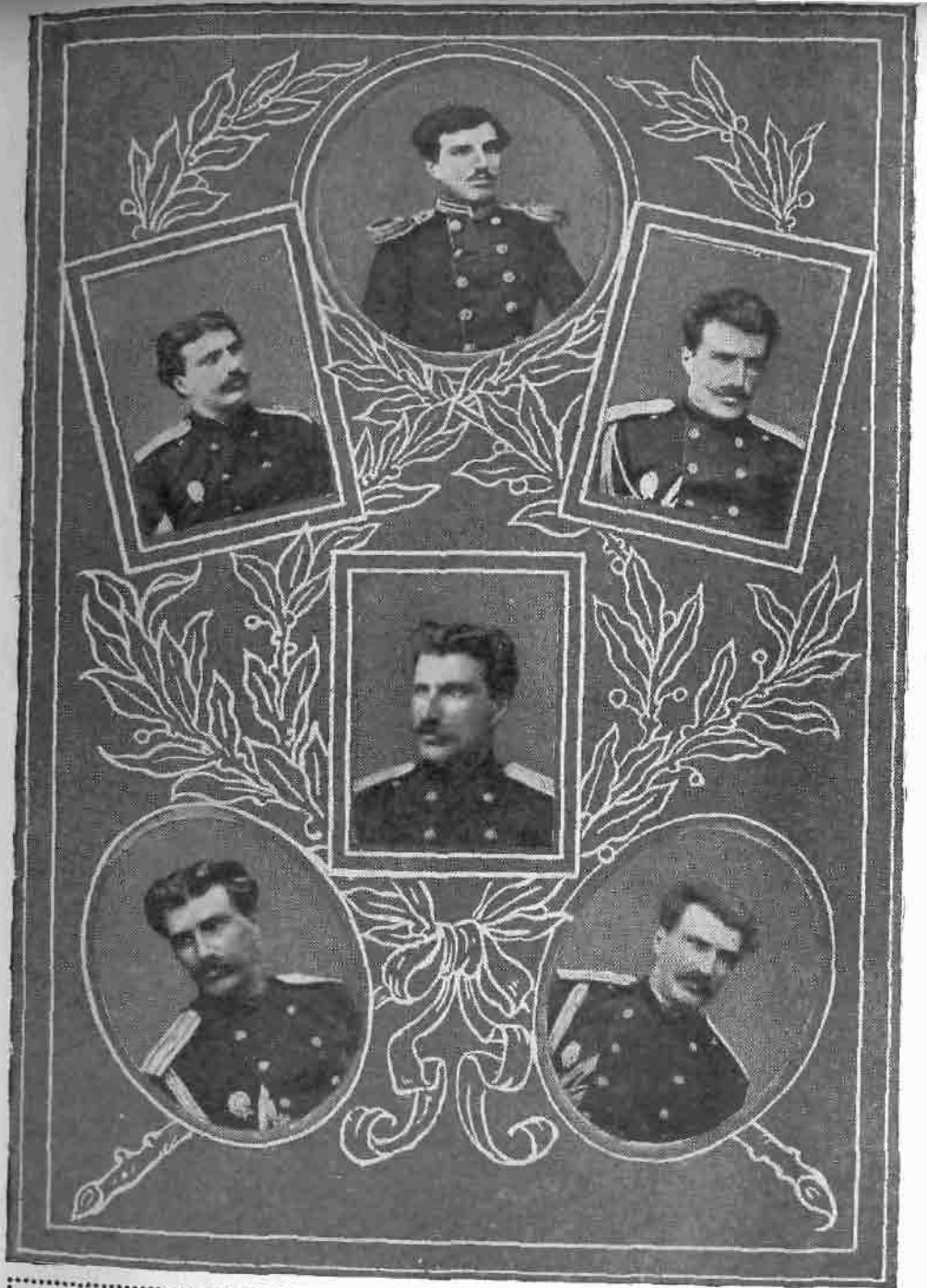
Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка.

Свои періодическіе отпуска Н. М. Пржевальскій неизмѣнно проводилъ въ «Отрадномъ», среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія ботаники и зоологіи. Чѣмъ больше онъ углублялся въ эти занятія, тѣмъ сильнѣе имъ овладѣвала мысль о путешествіи по Азіи. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ-нибудь научномъ центрѣ, и Николай Михайловичъ исколоталъ себѣ для этого назначеніе взводнымъ офицеромъ, преподавателемъ исторіи и географіи въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ.

Пржевальскій оказался прекраснымъ лекторомъ: говорилъ громко, ясно и удивлялъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ трудовъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Система доблажекъ любимчикамъ у него совершенно отсутствовала. На всѣ докучливыя моленія о прибавкѣ балловъ онъ отвѣчалъ юнкерамъ: «Не буду ли я вамъ, юноши, смѣшенъ и жалокъ послѣ такой уступки?.. Вспомните прекрасныя слова: «я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость».

Настольными книгами Николая Михайловича были: «Картины природы» Гумбольдта, «Азія» Риттера и другія сочиненія по Азіи. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей специальности онъ затрачивалъ почти всѣ свободныя деньги. Въ немъ обнаруживалась не одна громадная начитанность, но и умѣнье широко обобщать и блестяще систематизировать. Своею вдохновенной рѣчью онъ увлекалъ другихъ. «Ваше письмо», писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя... «какъ, изъ круга вашего присутствія, имѣеть что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось»...

Природа съ ея красотами манила къ себѣ Пржевальскаго постоянно, и мысль о путешествіи въ неизвѣстныя края Азіи росла въ немъ съ неодолимой силой...

Николай Михайловичъ Пржевальскій
въ различные возрасты, отъ 17-ти до 42-хъ лѣтъ.

...«Въ 1867 году я впервые познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ, — говоритъ вице-предсѣдатель Императорскаго русскаго географическаго общества, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій: «черезъ мое посредство онъ обратился тогда въ первый разъ за помощью и покровительствомъ къ Географическому обществу, объяснивъ мнѣ свои намѣренія заняться путешествіемъ въ Средней Азіи. Въ то время Общество крайне рѣдко помогало матеріальными средствами молодымъ путешественникамъ, отправляющимся въ путешествіе по собственной инициативѣ, можетъ быть потому, что такая инициатива проявлялась еще слишкомъ рѣдко; но отъ времени до времени оно снаряжало свои экспедиціи, подбирая въ составъ ихъ исключительно лицъ уже извѣстныхъ своими научными трудами и рекомендуемыхъ организаторами экспедицій. Н. М. Пржевальскій былъ въ научномъ мірѣ еще совершенно неизвѣстною величиною, и дать пособіе ему на его предпріятіе, а тѣмъ болѣе организовать подъ его руководствомъ цѣлую экспедицію, совѣтъ Общества не рѣшился»... Слѣдуетъ замѣтить, что молодой, энергичный Пржевальскій произвелъ на П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго сильное впечатлѣніе и П. П., боясь разстаться съ нимъ навсегда, обѣщалъ Николаю Михайловичу, что если онъ на собственные средства сдѣлаетъ какія бы то ни было интересныя поѣздки и изслѣдованія въ Уссурійскомъ краѣ, которыми докажетъ свою способность къ путешествіямъ и географическимъ изслѣдованіямъ, то, по возвращеніи изъ Сибири, онъ можетъ मदѣваться на организцію со стороны Общества, подъ его руководствомъ, болѣе серьезной и обстоятельной экспедиціи въ Среднюю Азію.

Пржевальскій отправился въ Иркутскъ, гдѣ просвѣщенный генераль Кукель встрѣтилъ его благосклонно и нашель возможнымъ дать ему командировку въ Уссурійскій край; сверхъ того, Сибирскій отдѣлъ гео-

графическаго общ. поручилъ ему описать флору и фауну, и собрать зоологическую и ботаническую коллекціи.

Итакъ, завѣтное желаніе Николая Михайловича исполнилось. Новая обстановка произвела на него сильное впечатлѣніе, и Сибирь его поразила: «дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились», — говорилъ Николай Михайловичъ.

Особенное вниманіе Пржевальскаго (теперь уже путешественника) привлекли къ себѣ картины по Амуру, тамъ, гдѣ хвойные лѣса исчезаютъ, а являются лиственные, самыхъ роскошныхъ размѣровъ; гдѣ къ европейскимъ породамъ — дубу, липѣ и клену — примѣшивается грѣцкій орѣхъ и пробковое дерево. «Охотничья собака отыскиваетъ вамъ», пишетъ Пржевальскій, «медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго по величинѣ и силѣ обитателю джунглей Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшней природы не нарушается присутствіемъ чловѣка; развѣ изрѣдка пробредеть звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнить, нежели нарушить, картину дикой, дѣвственной природы»...

Однажды, на экскурсіи, Николай Михайловичъ столкнулся съ такимъ гигантомъ медвѣдемъ, который своими размѣрами превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ кѣмъ-либо въ Восточной Сибири. «Будучи пробить первой пулею», пишетъ Пржевальскій, «на разстояніи сорока шаговъ, медвѣдь съ ревомъ бросился на меня... Когда разъяренный звѣрь приблизился шаговъ на пять, я спустиль курокъ, и медвѣдь, съ прострѣленнымъ сердцемъ, слышно сваявъ, рухнулъ на землю. Конечно, это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенія не изглаются изъ моей памяти цѣлую жизнь, и черезъ много лѣтъ все такъ же ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кроваваго цвѣта языкъ и громадные зубы»...

Послѣ сибирскихъ тундръ и озеръ Николай Михайловичъ особенно вос-

хищался величіемъ Японскаго моря. «Присядешь бывало,—говорилъ онъ,—на вершинѣ утеса, заглядишься на синѣющую даль моря, и сколько различныхъ мыслей заройтсѣ въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и гдѣ волны того же самаго океана омываютъ берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и

Китайскіе женщины—служители при пагодахъ или китайскихъ кумирняхъ.

полетѣлъ туда, стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи! Погрузитсѣ затѣмъ мысль въ туманъ прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею въ еще большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея

исторію, и развѣ только немногія горныя породы старѣе маститаго океана»!..

Въ январѣ 1870 года Н. М. Пржевальскій прибылъ въ Петербургъ, а въ мартѣ сдѣлалъ сообщеніе въ Географическомъ обществѣ, охарактеризовавъ строеніе Уссурійскаго края и его климатъ, флору, фауну, и, наконецъ, его инородческое населеніе.

Императорское Географическое общество почтило труды Пржевальскаго

го серебряною медалью, а Военное министерство—переводомъ въ генеральскій штабъ.

Окончивъ затѣмъ описаніе «путешествія въ Уссурійскій край», Николай Михайловичъ обратился въ совѣтъ Географическаго общества съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе отправиться въ сѣверныя окраины Китая и преимущественно въ малоизвѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки, въ земли ордосовъ и Куку-норъ.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій сдержалъ свое слово. Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большимъ сочувствіемъ, и его экспедиція

Верблюды въ Гобійской пустынѣ.

Монгольскій караванъ въ пустынѣ Гоби

бойниковъ-дунганъ, что они заговорены отъ пуль, вооружены небывальными ружьями и, въ случаѣ нападенія, по повелѣнію главнаго, является тысяча невидимыхъ людей и сражается за него. Вѣра въ Пржевальскаго была огромная.

За Цайдамомъ путешественники поднялись на тибетское нагорье, гдѣ вскорѣ застигли ихъ суровые морозы. Весною же 1873 года экспедиція направилась въ обратный путь черезъ Гань-су и Алашань, задержавшись вновь въ горахъ въ цѣляхъ пополненія естественно-историческихъ коллекцій.

Затѣмъ оставался послѣдній періодъ путешествія. Истощенные физически, наши путешественники дѣлали усиленные переходы по пустынѣ Гоби, въ пескахъ которой чуть не погибли отъ зноя и безводія. Наученные горькимъ опытомъ, и желая избѣгнуть жары, они

Цайдамскій монголь.

вставали очень рано, до разсвѣта, но выхоженіе верблюдовъ отнимало много времени и выходить приходилось все-таки съ восходомъ солнца. Урга, словно земля обѣтованная, манила къ себѣ сильнѣе и сильнѣе. Высчитывались не только дни, но и часы,

когда наступитъ конецъ утомительному путешествію.

«Нужно видѣть», пишетъ Пржевальскій, «въ какомъ состояніи наше одѣяніе. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ разорванныя унты; сюртукъ и штаны всѣ въ дырахъ и заплаткахъ, фуражки походятъ на старую выброшенную тряпку, рубашки поизорвались». Въ такомъ видѣ и съ огромными лишениями караванъ достигъ долины Толы... День 5-го сентября былъ счастливейшимъ днемъ путешественниковъ:

они попали въ родную среду, въ родное русское консульство...

«Путешествіе наше кончилось», пишетъ Николай Михайловичъ. «Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ границу Монголіи».

Столица нетерпѣливо ждала путешественника и встрѣтила его (съ его достойнымъ спутникомъ) съ

распростертыми объятіями. Императорское Географическое общество поднесло Пржевальскому своего рода вѣнокъ — Константиновскую медаль.

Съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ Пржевальскому и тогдашній военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ.

II. Второе путешествіе въ Центральной Азіи. — Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-норь.

Еще въ то время, когда писалась «Монголія и страна тангутовъ», Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. «Я не намѣренъ успокоиться», сообщалъ онъ одному изъ друзей, «и въ концѣ будущаго (1875) года, лишь только кончу второй томъ

своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ».

Особенно сочувственные отзывы министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ дали возможность совѣту Географическаго общества просить Августѣйшаго предсѣдателя, великаго князя Константина Николаевича, ис-

ходатайствовать на экспедицію Пржевальскаго просимую имъ сумму, изъ средствъ государственнаго казначейства. Его Высочество исходатайствовалъ деньги, и при этомъ выразилъ увѣренность, «что экспедиція Пржевальскаго принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учреждениямъ, которыя примутъ на себя заботы къ ея скорѣйшему осуществленію»...

20-го августа 1875 года Пржевальскій выступилъ съ экспедиціей изъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобь-норь. «Илійская долина, говоритъ онъ, это Азіатская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ китайцамъ, право, не слѣдуетъ». Долиною Кунгеса и Цагма экспедиція достигла Юлдуса, что значитъ звѣзда, отъ множества озерковъ, блестящихъ на солнцѣ въ видѣ звѣздъ, разсыпанныхъ по зеленомъ богатымъ пастбищамъ этой привольной страны.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное,—говорили торгоуты Пржевальскому, рассказывая про Юлдусъ:—только и жить господамъ да скотинѣ.

Послѣ ознакомленія съ Юлдусомъ, Пржевальскій поѣхалъ въ городъ Курля—резиденцію Якубъ-бека кашкарскаго. Еще по дорогѣ сюда, экспедиція уже была привѣтствована послами Бодуалета, или «Счастливецъ», какъ кашгарцы называли своего хана, который въ высшей степени интересовался путешественниками. Въ Курлѣ былъ отведенъ для нихъ особый домъ, внѣ города и приставленъ карауль, подъ предлогомъ охраненія. «Въ сущности же для того», говоритъ Пржевальскій, «чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека». Будучи очень подозрительнымъ, Якубъ-бекъ недовѣрчиво отнесся и къ мирнымъ научнымъ цѣлямъ Пржевальскаго.

Разубѣдить хана было трудно, но еще труднѣе было получить свободный пропускъ на югъ, къ берегамъ таинственнаго Лобь-нора. Наконецъ, онъ былъ полученъ, и экспедиція радостно двинулась по бассейну Тарима. Итти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось проби-

Цайдамская равнина.

ратся по лѣсу или густымъ колючимъ кустарникомъ, иногда же по высокому тростнику, корни котораго, словно желѣзная щетка, израниваютъ до крови верблюжьи пятки. Въ попутномъ большомъ селеніи Ахтарма, окруженномъ лѣсами и необъятными площадями тростника, въ которомъ водятся тигры, Пржевальскій провель восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Охота на тигра вообще, кромѣ опасности, весьма трудна, по чуткости звѣря, и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ обычно отраву.

Антилопа хард (суальта *Cazella subgutturosa*).

Вторую половину зимы экспедиція провела въ изслѣдованіяхъ открытаго ею хребта Алтынъ-тага, а весну 1877 года на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ, периодически, собираются милліоны плавающихъ птицъ, въ особенности утокъ, за которыми наблюдали и охотились путешественники.

Пользуясь миролюбіемъ и добротолюбіемъ лобнорцевъ, Пржевальскій свободно плавалъ въ лодкѣ по Лобъ-нору и изучалъ бытъ мѣстныхъ обитателей. «Это такіе дикари, писалъ онъ, какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ. Бѣдный и слабый физически лобнорецъ или каракурчинецъ, бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ чловѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ—вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго мачеха-природа. Сидя въ сырой тростниковой загороди, среди полунагихъ обита-

телей одной изъ деревень Кара-курчина, я невольно думалъ: сколько вѣковъ прогресса отдѣляютъ меня отъ моихъ сосѣдей? И какъ велика сила чловѣческаго генія, если изъ

подобныхъ людей, каковыми, по всему вѣроятію, были наши далекіе предки, могли сдѣлаться нынѣшніе европейцы. Съ тупымъ удивленіемъ смотрѣли на меня лобнорскіе дикари, но не менѣе того интересовался и я ими. Было слишкомъ много мающаго и оригинальнаго во всей окружающей обстановкѣ, среди далекаго, невѣдо-

мага озера, въ кругу людей, живо напоминавшихъ собою примитивный бытъ чловѣчества»...

Однако, продолжительная напряженная дѣятельность давала себя чувствовать, въ особенности на обратномъ пути въ Зайсанъ, когда Н. М. Пржевальскій сильно страдалъ отъ зловреднаго зуда, полученнаго отъ соленой пыли Лобъ-нора. Всѣ доктора, къ которымъ Пржевальскій обращался по приѣздѣ въ Петербургъ, находили, что болѣзнь его происходила главнымъ образомъ отъ нервнаго расстройства, вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. «Наилучшее лѣкарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, чему я очень радъ», писалъ Николай Михайловичъ. «Изъ Питера поѣду прямо въ «Отрадное», родное гнѣздо, не останавливаясь въ Смоленскѣ»...

Такія чувства испытывалъ Николай Михайловичъ Пржевальскій на исходѣ своего второго путешествія, уже готовый къ новымъ подвигамъ.

«Бури грозны миновали,
Выплылъ на берегъ пловецъ,
Но ему вѣдь не сказали,
Что всѣмъ бурямъ ужъ конецъ»...

Типы тибетцевъ.

III. Третье путешествіе: изъ Зайсана черезъ Хамы въ Тибетъ и на
верховья Желтой рѣки.

Деревенское приволье значительно возстановило силы Пржевальскаго, и онъ началъ мечтать о третьемъ путешествіи въ Центральной Азіи. Счастье опять улыбнулось ему.

Съ разгорѣвшейся весенней зарей, 21-го марта 1870 года, караванъ былъ готовъ къ выступленію изъ Зайсана. Впереди, поодаль, слѣдоваль верхомъ Пржевальскій съ однимъ казакомъ и проводникомъ. Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ внимательно объѣхалъ его и приказалъ двигаться: путешествіе началось.

Опять поперекъ великой пустыни, опять поперекъ высокаго Нань-Шаня, въ области котораго Пржевальскому удалось открыть два отдѣльныхъ, самостоятельныхъ снѣговыхъ хребта, названныхъ имъ именами великихъ

географовъ—Гумбольдта и Риттера. Стоя на одномъ изъ многочисленныхъ ледниковъ хребта Гумбольдта, Пржевальскій восторженно говоритъ: «Никогда еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко—17.000 футовъ надъ моремъ, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. Дивная панорама горъ, освѣщенныхъ солнцемъ, разстилалась подъ ногами. Весь поглощаешься созерцаніемъ величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этихъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, лицомъ къ лицу съ грандіозною природою, вдали отъ всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуту становишься, дѣйствительно, духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ мелочныхъ помысловъ»...

За Нань-Шанемъ и Цайдамомъ начался второй періодъ путешествія,

лодной юрты, разнообразная яства, чистое бѣлье и платье—все это сразу настолько обновило насъ, что прошлое казалось грезами обманчиваго сна»...

Своимъ возвращеніемъ въ Петербургъ Н. М. Пржевальскій вносилъ свѣжую, здоровую струю познанія, къ которому стремились всѣ жаждавшіе новаго слова географической науки. Своими блестящими лекціями Пржевальскій привлекалъ многочисленныя аудиторіи...

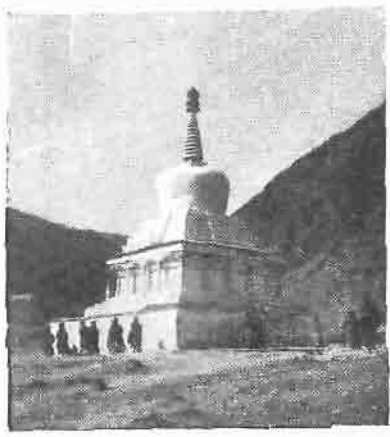
Петербургъ и родной Смоленскъ избрали путешественника въ почетные граждане; Московскій университетъ— почетнымъ членомъ, равно какъ и Вѣнское, Итальянское и Дрезденское географическія общества. Пржевальскій благодарилъ всѣ эти общества, въ особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль.

Выставка зоологическихъ коллекцій путешественника, устроенная въ залахъ Академіи наукъ, привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, главнѣйшіе результаты своихъ путешествій въ Средней Азіи.

Описаніе своего путешествія Пржевальскій уже производилъ въ новомъ, только что приобретенномъ имъ имѣніи Слобода, Смоленской губерніи, Порѣчскаго уѣзда. Въ немъ имѣется свыше двухъ тысячъ десятинъ земли, болѣею частью покрытой лѣсомъ, да и лѣсъ, какъ «Сибирская тайга», писадъ новый владѣлецъ, «а рядомъ лѣса потянулись на сотню верстъ.

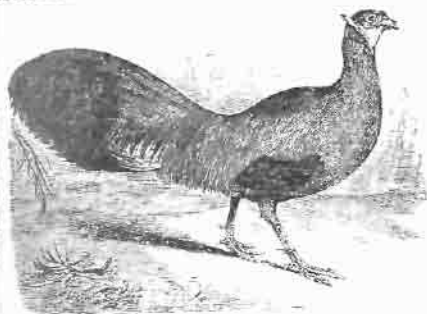
Но все-таки это не исключаетъ желанія, и даже весьма солиднаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховья Хуанъ-хэ. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, изъ котораго я буду летать въ глубь азиатскихъ пустынь»...

...Между тѣмъ съ приобретеніемъ Николаемъ Михайловичемъ Слободы въ собственность, начинается и мое личное знакомство съ этимъ замѣчательнымъ человекомъ. Я жилъ тогда въ Слободѣ... я любилъ и продолжаю еще сильнѣе любить этотъ «далекій, дивный уголокъ»... Съ именемъ «Слобода» во мнѣ всегда просыпается первое самое сильное и самое глубокое воспо-

Субурганъ—надгробный памятникъ, воздвигаемый святому или вообще влиятельному сановнику—тибетцу или монголу.

минаніе о Пржевальскомъ. Въдъ такъ недавно еще я только мечталъ, только грезилъ, какъ можетъ мечтать и грезить шестнадцатилѣтній мальчикъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ чтенія газетъ и журналовъ о возвращеніи въ Петербургъ славной экспедиціи Пржевальскаго,—мечталъ и грезилъ о далекихъ странахъ, о тѣхъ высокихъ нагорьяхъ Тибета, гдѣ картины дикой животной жизни напоминаютъ первобытній міръ, завидовалъ юнымъ сподвижникамъ Пржевальскаго, завидовалъ даже всѣмъ тѣмъ, кто могъ видѣть и слышать героя путешественника... мечталъ и грезилъ, будучи такъ далеко отъ реальной мысли когда-либо встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Пржевальскимъ... И вдругъ мечты и грезы мои осуществились; вдругъ, неожиданно, тотъ великій Пржевальскій, къ которому было направлено все мое стремленіе, появился въ Слободѣ, очаровался ея дикой прелестью и поселился въ ней... При видѣ этого человека издали, при встрѣчѣ съ нимъ вблизи, со мною одинаково происхо-

Ушастый фазанъ (*Crossoptilon auritum*).

ное испытаніе при Смоленскомъ реальномъ училищѣ, затѣмъ вскорѣ поступить въ Москву на военную службу,

въ званіи вольноопредѣляющагося, прослужить три мѣсяца и въ апрѣлѣ быть зачисленнымъ по Высочайшему повелѣнію въ составъ новой четвертой экспедиціи Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Сбылось несбыточное... я уже официально состоялъ при начальникѣ экспедиціи, полковникѣ Пржевальскомъ, его спутникомъ... Первой сознательной тихой радости моей не было конца... Въ концѣ апрѣля и началѣ мая — въ лучший періодъ весны, я уже былъ съ Николаемъ Михайловичемъ снова въ Слободѣ, и счастливый, бесконечно счастливый, переживалъ мою первую весну настоящей жизни...

IV. Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи.—Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки.—Ислѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима.

Наканунѣ новаго года была поставлена послѣдняя точка послѣдней главы книги, и въ первыхъ числахъ января 1883 года Пржевальскій от-

правился въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ приступилъ къ печатанію своего труда и подалъ въ совѣтъ общества проектъ о новомъ, четвертомъ путешествіи въ Центральной Азіи. Покарарѣшался вопросъ объ экспедиціи, Николай Михайловичъ окончилъ книгу и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки».

Передъ самымъ отъѣз-

домъ Пржевальскаго изъ Петербурга, Наслѣдникъ Цесаревичъ (при прощаньѣ) подарилъ ему зрительную трубу изъ алюминія. Этимъ доро-

Сифинный грифъ (*Gypis himalayensis*) весьма распространенъ въ Гималаяхъ, по всему Тибету и Тянь-Шаню. Птица имѣетъ около девяти футовъ въ размахѣ крыльевъ.

гимъ подаркомъ путешественникъ гордился, поднимаясь на вершины горъ, во время четвертой экспедиціи, очень часто пользовался имъ, чувствуя въ душѣ глубокую благодарность къ имени Августѣйшаго своего покровителя.

Въ Кяхтѣ Пржевальскій получилъ письмо воспитателя Царскихъ сыновей, генералъ-адъютанта Даниловича. «Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ

мнѣ (писалъ онъ) переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшаго брата... Если бы во время путешествія вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ несколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою»...

Въ концѣ октября 1883 года началось путешествіе Пржевальскаго въ Центральную Азію. Онъ твердо шелъ и твердо вѣрилъ въ свою счастливую звезду, пересѣкая третій разъ пустыню Гоби и спѣша въ горы Гань-су и долину Тэтунга. «Здѣсь (говоритъ Николай Михайловичъ) прекрасные обширные мѣста съ быстротекущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ

ручьями, роскошные альпійскіе луга, рядомъ съ дикими скалами и каменными сыпями, внизу же быстрый извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ громадъ,—все это сочетаетсяъ въ такомъ грандіозномъ величіи, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію. И еще сильнѣе чувствуется обаятельная прелесть этой чудной природы для путешественника, только что покинувшаго утомительно однообразныя, безжизненные равнины Гоби»...

Петръ Кузьмичъ Козловъ — въ годъ своего знакомства съ Н. М. Пржевальскимъ.

Здѣсь же на Тэтунгѣ впервые сознательно пробудилась и моя ду-

ша—я позналъ собственное влеченіе къ красотамъ дикой горной природы. Красавецъ Тэтунгъ, то грозный и величественный, то тихій и ровный, часами удерживалъ на своемъ берегу Пржевальскаго и меня, и повергалъ моего учителя въ самое лучшее настроеніе, въ самые задушевные раз-

Водораздѣлъ Желтой и Голубой рѣкъ (Тибетъ).

Гора Шахеръ на правомъ берегу Тэтунга (китайская провинція Гань-су).

сказы о путешествіи. Любуясь Татунгомъ, его прозрачными стремительными волнами, прислушиваясь къ голосамъ ушастыхъ фазановъ, зеленыхъ сэрмуновъ и мелодичному пѣнію всевозможныхъ синицъ и завирушекъ, Николай Михайловичъ мечтою уносился еще дальше — въ роскошную Сы-чуань, съ ея бамбуковыми зарослями, обезьянами, лафорорами... Никогда и нигдѣ мы не были такъ высоко счастливы, такъ чисты сердцемъ, такъ воспримчивы ко всему прекрасному, святому, какъ только

останавливаясь, гдѣ можно, за бугорками и небольшими увалами. Мы провозжали негодяевъ пальбою, пока только могли долетать пули берданокъ. Наконецъ, вся орда выбралась изъ сферы нашихъ выстрѣловъ и, собравшись въ кучу, остановилась, вѣроятно, для перевозки раненыхъ. Въ это время выѣхала изъ горъ новая партія, человекъ въ пятьдесятъ, вѣроятно, оставшихся на бивуакъ; они присоединились теперь въ своимъ

заключенію, до тридцати человекъ». Слава о горсти русскихъ путешественниковъ быстро распространялась съ одной стороны къ Пекину, съ другой къ западному Тибету и Туркестану. Восточный Туркестанъ экспедиціей Пржевальскаго былъ пересѣченъ на всемъ его протяженіи. Караванъ драгоценныхъ коллекцій выросъ до большихъ размѣровъ и ровно черезъ два года вступилъ, наконецъ, на родную землю.

Тибетцы разбойничьяго племени н'голкь.

товарищамъ. Мы оставались на прежнихъ позиціяхъ, ожидая новаго нападенія. Но тангуты, простоявъ еще немного, направились, въ наступавшія уже сумерки, въ горы тѣмъ самымъ ущельемъ, которымъ выѣхали. Когда разбойники скрылись, мы вернулись на свой бивуакъ. Здѣсь оказалась раненою одна лошадь, которой тангутская пуля попала въ ногу. Всѣ же мы опять уцѣлѣли. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ, и за это время мы выпустили около восьмисотъ патроновъ. Разбойниковъ было убито и ранено, по нашему общему

Вблизи перваго русскаго города Каракола путешественники были встрѣчены соотечественниками, радушно предложившими имъ русскую «хлѣбъ-соль», а въ самомъ городѣ начальникъ экспедиціи былъ осчастливленъ поздравительной депешей Наслѣдника Цесаревича «съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и приобрѣтенными результатами».

«Такъ сегодня—седьмого ноября», записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, «окончилось четвертое мое путешествіе по Центральной Азии. Ровно два года провели мы

въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра. Но мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь жалко, больно съ нею расставаться, быть можетъ, надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налетаютъ одинъ за другимъ, и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишений подобныхъ путешествій. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти въ глубь Азіи—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣянномъ въ теченіе долгодѣльныхъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые обра-

зы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукъ»...

Императорское Географическое Общество привѣтствовало славнаго путешественника въ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ концертномъ залѣ дворца великой княгини Екатерины Михайловны, а Императорская Академія Наукъ выразила неутомимому путешественнику особенную признательность и выбила въ честь Пржевальскаго золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: «*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ*» 1886, а на оборотѣ надпись: «*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи*», окруженная лавровымъ вѣнкомъ.

Послѣ возвращенія изъ путешествія и обычнаго пребыванія въ Петербургѣ,

Пржевальскій поселился въ любимой имъ Слободѣ и занялся составленіемъ книги. Удаленная отъ желѣзныхъ дорогъ Слобода для чуткой души Пржевальскаго была незамѣнима. Постоянными гостями его были мы—спутники. Особенно хорошо мнѣ памятно время, проведенное въ Слободѣ осенью 1887 года, послѣ окончанія училища. Въ Слободѣ меня ожидалъ чудный подарокъ—ружье-дробиникъ, изготовленное по заказу въ Вѣнѣ. Нѣжный сердцемъ, обаятельный душою, отецъ-другъ—Пржевальскій встрѣтилъ меня самымъ удивительнымъ образомъ. Никогда я не

забуду счастливыхъ минутъ, когда «слободская» тройка подкатила меня къ крыльцу новаго дома, гдѣ, ориентировавшись по колокольчику подъ дугой, уже стоялъ радушный

хозяинъ. На лицѣ Николая Михайловича играла очаровательная улыбка... Его штатъ—няня Макарьевна, управляющій Денисовъ, гренадеры-охотники, дворовый поваръ Архипъ—всѣ эти хорошіе люди находились тутъ же, и всѣ они такъ же улыбались и такъ же крѣпко обнимали меня, какъ и самъ Николай Михайловичъ. Прежде, нежели войти въ домъ, Пржевальскій повелъ меня къ вѣсамъ, опредѣлилъ мой вѣсъ, отмѣтилъ цифру въ своей памятной книжкѣ, чтобы потомъ, передъ отъѣздомъ, сдѣлавъ то же самое, знать результатъ пребыванія гостя въ Слободѣ. Только потомъ, взявъ подъ руку, Николай Михайловичъ повелъ меня въ домъ, наверхъ, въ «люю» комнату, «чтобы привести себя въ порядокъ». Затѣмъ, мы спустились внизъ—въ кабинетъ, гдѣ невольнo остановились у шкафа съ оружіемъ. Николай Михайловичъ или «Пшева», какъ я часто называлъ его, заставилъ меня взять въ руки, «поздороваться», сначала съ

Тибетські разбойники несуться в атаку.

штуцеромъ Ланкастеромъ, потомъ съ дробикомъ Пёрде, тѣмъ и другимъ прицѣлиться или приложиться. «Вотъ, иносказательно замѣчаетъ Пржевальскій, «Лянь» (сокращенное Ланкастеръ) скучаетъ по тибетскимъ медвѣдямъ и дикимъ якамъ, и зоветъ меня опять *туда*. Пожалуй, пойдёмъ, какъ ты думаешь? — Я, улыбаясь, тихо произнесъ: «конечно, пойдёмъ». Изъ кабинета, черезъ гостиную, проходимъ въ столовую, гдѣ насъ ожидаютъ всякаго рода заѣдочки, усладеньки, заливочки... Говоримъ не наговоримся... при видѣ чучель голубого фазана, зеленого всѣре, вспоминаемъ Гань-су, Тэтунгъ; при видѣ оронго — Тибетъ... А виды въ окна манятъ въ садъ. Вотъ терраса, вотъ прудъ, вотъ родная хатка, а вотъ и холмъ съ знакомыми березами, подъ стѣною которыхъ мы столько разъ подолгу засиживались, любуясь на открытыя воды озера Сопша, и на заозерный лѣсъ, убѣгавшій въ даль.

Дыша полной грудью, я скоро опьянѣлъ отъ здороваго деревенскаго воздуха, слободская же тишина и дружеское общеніе съ Пржевальскимъ очаровали мою душу... Я долго не могъ заставить себя уйти съ холма, а между тѣмъ, на землю спустилась ночь, небо заискрилось звѣздами...

— Апомнишь ли, Кизо,—заговорилъ вдругъ Николай Михайловичъ,—тотъ вечеръ, который рѣшилъ твою судьбу, тотъ вечеръ, когда ты одинъ сидѣлъ на крыльцѣ пашеткинскаго домика и любовался небомъ; помнишь ли, какъ я, проходя тогда въ свою хатку, спросилъ тебя: «чѣмъ вы здѣсь занимаетесь?» а ты отвѣтилъ мнѣ:

«любуюсь красотой неба, которое *таль* у васъ, въ Азіи, должно быть еще чище, еще прозрачнѣе»!.. Тотъ вечеръ ты долженъ помнить: въ тотъ вечеръ твоя душа открылась мнѣ, и я узналъ въ тебѣ своего будущаго спутника—родную, близкую душу.

Мечты наши далеко унеслись по странству и по времени и еще сильнѣе манила насъ къ себѣ наша *забытая* даль...

Въ ближайшіе дни я объѣхалъ всѣ знакомыя красивыя окрестности, но попрежнему самымъ любимымъ моимъ мѣстомъ оставалась Чортова гряда, открывавшая во всю ширь Слободское озеро. За все время моего пребыванія въ Слободѣ стояла приятная, ясная погода, дававшая возможность отлично поохотиться и на рѣкъ, и въ лѣсу «съ загономъ». Въ тѣ дни, когда Николай Михайловичъ сидѣлъ за писаніемъ книги, я приводилъ въ порядокъ и разставлялъ въ шкафы его интересную бібліотеку. Такимъ образомъ, незамѣтно промелькнуло время моего отпуска, за которое я хорошо отдохнулъ, еще лучше поправился и прибылъ въ вѣсѣ, чѣмъ доставилъ немалое удовольствіе гостеприимному хозяину. Теперь я долженъ былъ ѣхать къ мѣсту новой службы въ Москву, и ждать официального назначенія въ составъ пятой экспедиціи Пржевальскаго.

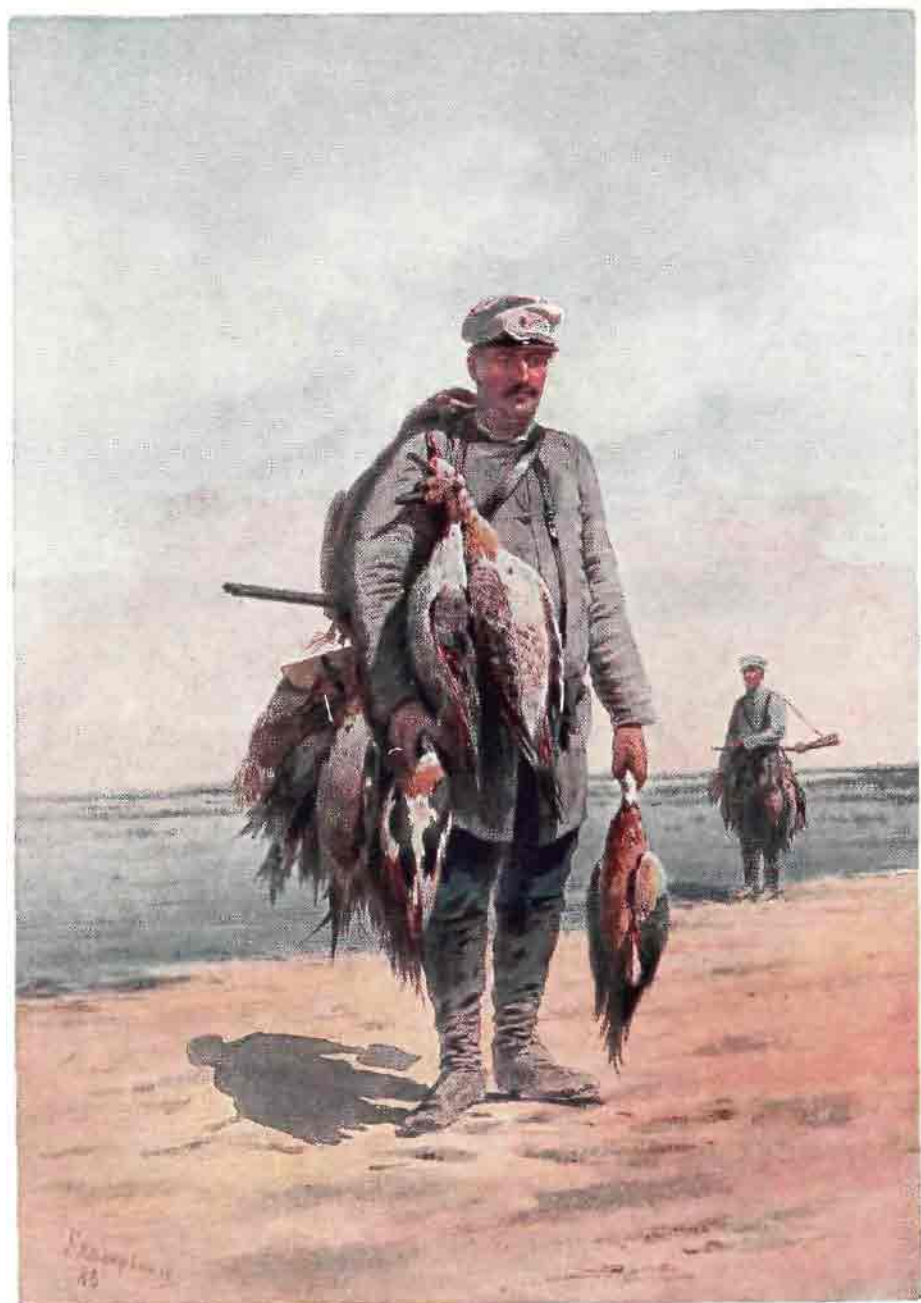
Разставаніе со Слободой было самое трогательное: рѣдкій родной отецъ такъ сердечно, съ такою горячею любовью напутствуетъ и провожаетъ своего сына, какъ напутствовалъ и проводилъ меня мой незабвенный учитель...

V. Преждевременная смерть Н. М. Пржевальскаго у порога пятого путешествія.—Научные результаты экспедицій Н. М. Пржевальскаго.

Самъ Николай Михайловичъ засидѣлся въ Слободѣ до полнаго окончанія книги, до марта 1888 года, когда прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же представилъ совѣту Императорскаго Географическаго обще-

ства программу своего будущаго *пятого* путешествія, и на этотъ разъ исключительно въ Тибетъ.

Изданіе научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій было обезпечено за счетъ двадцати пяти тысячъ

Возвращение съ удачной охоты Н. М. Пржевальскаго весной 1885 г.
на озерѣ Лобъ-норь.

Снямокъ съ акварели, исполненной дружкой Н. М. Пржевальскаго—некойнымъ генераломъ барономъ А. А. Бильдерлингемъ. После смерти Н. М. Пржевальскаго генералъ Бильдерлингъ исполнилъ этотъ портретъ П. К. Козлову, при жизни: «вамъ, какъ ученику и достойному послѣдователю Николаю Михайловича, портретъ этотъ можетъ служить приятнымъ воспоминаніемъ».

П. К. Козловъ, Н. М. Пржевальскій, В. И. Роборовскій.
Сади-ковной экспедиціи.

Экспедиционный отрядъ Н. М. Пржевальскаго
на пути въ городъ Караколь осенью 1888 г. (за мѣсяцъ до смерти Н. М. Пржевальскаго).

рублей, пожалованныхъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Въ августѣ книга была издана подъ заглавіемъ: «Четвертое путешествіе въ Центральной Азии. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки; изслѣдованіе стверной окраины Тибета и путь черезъ Лобноръ по бассейну Тарима».

18 августа Николай Михайловичъ въ послѣдній разъ покинулъ Петербургъ, отправляясь въ пятое путешествіе. Дальнѣйшій путь изъ Самарканда до Каракола предстоялъ исключительно почтовый съ продолжительной остановкой въ Пишпекѣ, изъ котораго Николай Михайловичъ уѣзжалъ въ Вѣрный за полученіемъ купленного тамъ китайскаго серебра, на расходы въ предстоящемъ путешествіи. На обратномъ пути, уже вблизи Пишпека, среди камышевыхъ зарослей, онъ встрѣтилъ массу фазановъ и на слѣдующій день отправился съ Роборовскимъ поохотиться

за этими красивыми пернатыми. Эта поѣздка вышла роковой: охотясь въ камышахъ, Николай Михайловичъ нѣсколько разъ пилъ сырую воду какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ жили киргизы, повально страдавшіе тифомъ. Мы долгое время не хотѣли вѣрить, чтобы Пржевальскій могъ позволить себѣ дѣлать то, чего не позволялъ намъ, въ данномъ случаѣ — никогда не пить некипяченую воду, а самъ... самъ пилъ и самъ признался въ этомъ...

Покончивъ вопросъ съ покупкой верблюдовъ и другими менѣе сложными дѣлами, Николай Михайловичъ восьмого октября оставилъ Пишпекъ, а десятого ужъ прибылъ въ Караколь. На слѣдующее утро пріѣхали туда и я съ Роборовскимъ. На наше замѣчаніе, послѣ первыхъ привѣтствій, какой Николай Михайловичъ чистенькій и приличный, онъ намъ

отвѣтили: «да, братцы! я видѣлъ себя сегодня въ зеркало такимъ старымъ, страшнымъ, что просто испугался и скорѣе выбрился».

Въ небольшихъ каракольскихъ домишкахъ Пржевальскому не нравилось—не хватало простора, чистоты, воздуха... Въ одинъ день пришлось переѣхать нѣсколько квартиръ, и даже та, на которой онъ, наконецъ, остановился—его не удовлетворяла.

— Здѣсь, — говорил онъ, — тоже мрачно, гадко и выйти некуда; по улицамъ же шляются я не люблю. Надо посмотреть мѣсто за городомъ, ближе къ горамъ, тамъ поселимся въ юртахъ, по-экспедиционному.

Четырнадцатаго октября мы расположились бивуакомъ за городомъ. Пржевальскій самъ приводилъ въ порядокъ бумаги, денежные расчеты и выдалъ намъ записочки, сколько нашихъ денегъ находится у него на храненіи.

На слѣдующій день Николай Михайловичъ имѣлъ уже видъ больного челоука и впервые пожаловался на нездоровье, но пригласить доктора не соглашался.— Не въ первый разъ это, говорилъ онъ, и такъ пройдетъ. Все время, въ теченіе дня, онъ находился въ юртѣ въ полу-лежачемъ положеніи и самъ себя измѣрялъ температуру и отсчитывалъ пульсъ.

Въ ночь съ пятнадцатаго на шестнадцатое октября больной спалъ спокойно, температура повысилась, но утромъ онъ почувствовалъ маленькое облегченіе и вышелъ на воздухъ. Шагахъ въ трехстахъ расположился бурый грифъ и привлекъ вниманіе Пржевальскаго. Николай Михайловичъ спросилъ его любимую «американку» — и выстрѣломъ изъ нея эффектно убилъ грифа. Стоявшіе поодаль киргизы ахнули отъ удивленія. Вскорѣ грифа притащили на

бивуакъ и, любуясь этою царственной птицей, Пржевальскій замѣтилъ: вотъ это для меня лекарство...

...Утромъ семнадцатаго числа болѣзнь Николая Михайловича усилилась, и онъ согласился, наконецъ, послать за докторомъ.

Но послѣдній часъ уже былъ близокъ...

Въ августѣ 1888 года Пржевальскій трогательно простился со Слободой и со старушкой няней, а черезъ два мѣсяца, на порогѣ пятаго путешествія, онъ еще болѣе трогательно простился съ нами—спутниками.

— Похороните меня непременно на Исыккуль, на красивомъ берегу. Надпись сдѣлайте просто: «Путешественникъ Пржевальскій». Положите въ гробъ въ моей экспедиционной одеждѣ. Пожалуйста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты

(обращаясь къ Роборовскому) сними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставлю Роборовскому, Пѣрдѣ—Козлову, «Слободу» передаю Володѣ (племяннику) въ майоратъ...

На утро, двенадцатаго октября, Николаю Михайловичу стало очень худо. Лежа на правомъ боку, онъ бредилъ, прикрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ вдругъ, поддерживаемый нами, всталъ во весь ростъ и, посмотрѣвъ кругомъ, — сказалъ: «ну теперь я лягу»...

Мы помогли лечь; лицо и руки стали желтѣть... нѣсколько учашенныхъ дыханій, два-три глубокихъ вдоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы, горькія слезы душили каждаго изъ насъ... Мнѣ казалось, такое горе пережить нельзя... да оно и теперь еще не пережито.

Послѣ отпѣванія печальная процессія двинулась за городъ, къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было много. На перекресткахъ дорогъ встрѣ-

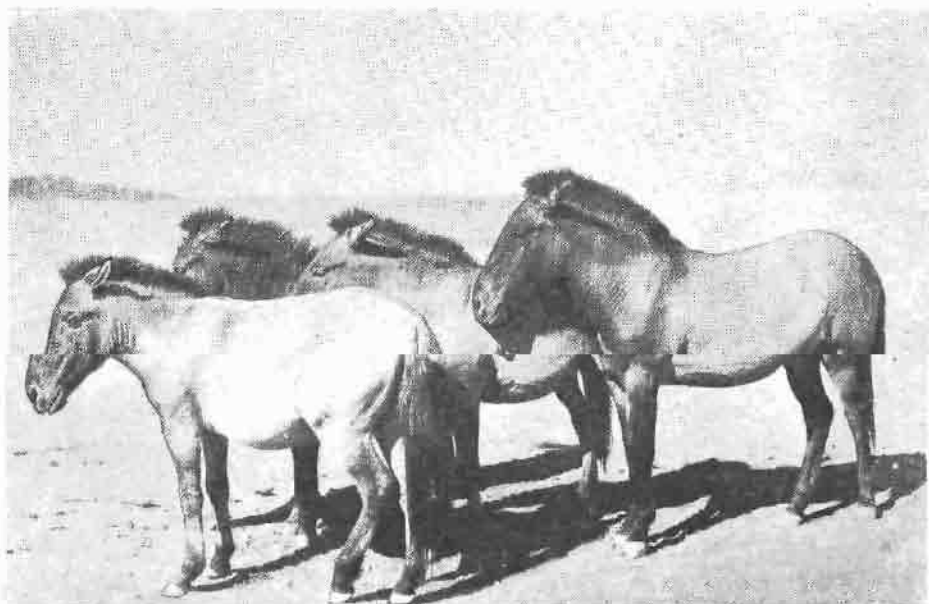

Бурый грифъ-монахъ.

нашей средѣ совершилась вся его славная дѣятельность, съ нами дѣлился онъ первыми впечатлѣніями четырехъ великихъ своихъ путешествій въ глубь Азіи, передъ нами, писалъ онъ, съ свойственной ему талантливостью, въ промежуткахъ своихъ путешествій, свои томы; многимъ изъ васъ, присутствующихъ, передавалъ онъ для научной работы собранные драгоценные матеріалы, съ нами составлялъ онъ смѣлые планы новыхъ путешествій; при нашемъ дѣятельномъ участіи снаряжался онъ въ свои экспедиціи. Однимъ словомъ, его дѣятельность въ теченіе двадцатилѣтія до такой степени сплелась съ дѣятельностью Географическаго общества, что лавры его вѣнка суть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе лавры почти полувѣковой дѣятельности нашего Общества.

Вамъ, конечно, извѣстно, что Пржевальскій удостоился всѣхъ высшихъ наградъ со стороны всѣхъ географическихъ обществъ, но не всѣмъ извѣстны тѣ отзывы, которыми сопровождались эти награды... Приведу прежде всего отзывъ барона Рихтгофена, знаменитаго геолога и путе-

шественника по Китаю, председателя Берлинскаго географическаго общества, по рецензіи котораго состоялось въ пользу Пржевальскаго присужденіе большой Гумбольдовской медали, первое по ея учрежденіи. Рихтгофенъ, свидѣтельствуя о томъ, что ни одинъ отдѣльный путешественникъ не расширилъ нашихъ познаній о Центральной Азіи въ такой мѣрѣ, какъ Пржевальскій, прямо и притомъ въ двухъ мѣстахъ своей рецензіи признаетъ его гениальнымъ путешественникомъ, обладающимъ необыкновенною наблюдательностью. Говоря объ одномъ изъ этнографическихъ очерковъ Пржевальскаго, Рихтгофенъ признаетъ очеркъ тотъ одною изъ самыхъ интересныхъ и привлекательныхъ этнографическихъ картинъ, какія только встрѣчаются въ современныхъ путешествіяхъ. Въ частности, говоря объ Алтынъ-тагѣ, Рихтгофенъ признаетъ научное открытіе Пржевальскимъ этого хребта поразительнѣйшимъ географическимъ открытіемъ, имѣющимъ одинаково важное значеніе какъ для географіи, такъ и для уразумѣнія средне-азіатскихъ народныхъ отношеній.

Дикія лошади Пржевальскаго (*Equus Przewalskii*). Водятся въ Джунгаріи, около урочища Гашунъ.

Памятник и могила (справа) Н. М. Пржевальскаго на берегу Иссыкъ-куля.
Памятникъ исполненъ по проекту друга Пржевальскаго барона А. А. Бильдерлинга.

Президентъ Лондонскаго географическаго общества, при присужденіи Пржевальскому еще въ 1879 году высшей награды, находящейся въ распоряженіи Общества, высказалъ мнѣніе, что путешествіе Пржевальскаго по странѣ тангутовъ и сѣверному Тибету превосходитъ все то, что было обнародовано со временъ Марко-Поло*), и ставитъ одинаково высоко заслуги Пржевальскаго, какъ географа и натуралиста, при этомъ г-нъ Алькокъ очень удачно догадывается, что побудила Пржевальскаго предпринять свои отчаянныя и опасныя путешествія его энтузіастическая любовь къ природѣ. Но если это такъ, прибавляетъ президентъ Лондонскаго географическаго общества, то тѣмъ болѣе чести Пржевальскому за то, что ему удалось привить къ своей страсти всѣ достоинства ученаго географа и самаго отважнаго изслѣдователя неизвѣстныхъ странъ.

*) Марко-Поло (1254 — 1323) — венеціанскій путешественникъ, первый европеецъ, изслѣдовавшій Центральную Азію.

Президентъ Шведскаго географическаго общества, которое, въ присутствіи своего просвѣщеннаго и любящаго географическую науку государя, присудило Пржевальскому свою высшую награду, медаль Веги, послѣ того, какъ та же награда присуждена была знаменитымъ шведскимъ путешественникамъ — Норденшельду и Паландеру, и не менѣе знаменитому изслѣдователю внутренней Африки — Стэнли, поставилъ эти четыре имени въ первомъ ряду современныхъ путешественниковъ и выразилъ при этомъ свое глубокое сочувствіе къ тому правительству, которое такъ великодушно содѣйствовало снаряженію его экспедиціи и съ такою честью представило свою страну въ географической наукѣ.

Этихъ трехъ отзывовъ достаточно для того, чтобы охарактеризовать мнѣнія о Пржевальскомъ ученыхъ обществъ въ Западной Европѣ.

«Многіе изъ присутствующихъ, — говоритъ академикъ Штраухъ — покойный директоръ Зоологическаго музея Академіи наукъ, — вѣроятно еще

помнить грандіозное впечатлѣніе, которое производила устроенная чашѣ 1887 года выставка, собранная Николаемъ Михайловичемъ Петровымъ, наполнившихъ два большихъ зала въ новомъ зданіи академіи и составлявшихъ сами по себѣ цѣлый музей. Если мы ограничимъ еще замѣчаніемъ, что всѣ коллекціи покойнаго образцово приготовлены и прекрасно сохранены, затронули бы главной ихъ стороны ихъ научнаго значенія. Николаемъ Михайловичемъ чрезвычайно систематично и съ рѣдкимъ пониманіемъ относился къ своимъ сборамъ превосходный наблюдатель, преданчивой обстоятельностью силъ въ свои образцовые дневники всѣ наблюдавшіяся имъ биологическія явленія и другія свѣдѣнія. Такъ, по разѣ заведенному плану, изъ года въ годъ дополнялись вмѣстѣ съ коллекціями и данныя, часто неопредѣленной важности, касающіяся жизни россійско-азіатскихъ животныхъ, кое, одолимое человѣческими силами препятствіе не было въ состояніи удержать Николая Михайловича отъ пополненія пробѣловъ, замѣченныхъ имъ въ своихъ матеріалахъ. Мертвыя числа, показывающія количествъ везенныхъ предметовъ, величайшая рѣдкость и большая денежная цѣнность многихъ изъ нихъ—все это блѣднѣетъ передъ тою научною цѣнностью, которую покойный сумѣлъ придать своимъ коллекціямъ, все это блѣднѣетъ передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Николай Михайловичъ поставилъ свой матеріалъ на высоту, соответствующую тѣмъ важнымъ качествамъ, которыми связаны съ изученіемъ животнаго населенія Центральной Азіи».

Академика-зоолога смѣнилъ на каѳедрѣ Географическаго общества академикъ-ботаникъ К. И. Максимовичъ. «Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, что въ продолженіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ, обязана Россіи научнымъ приобращеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ Амурскій и Уссурийскій края,

Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученныя экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ ея. Впечатлѣніе, особенно въ Англии, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія цѣлага ряда описаній колоніальныхъ флоръ».

Научныя заслуги Н. М. Пржевальскаго всегда находили оцѣнку и съ высоты престола. Тѣмъ волею монарха, двадцатаго октября 1892 года, бюстъ Пржевальскаго былъ законченъ сооруженіемъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ Петербургѣ.

Нѣсколько позднѣе былъ поставленъ величественный памятникъ и на могилѣ Пржевальскаго, на высокомъ берегу Иссыкъ-куля. Иссыкульскій памятникъ изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ тяньшаньскаго гранита. На вершинѣ скалы—большой бронзовый орелъ. Подъ когтями орла—карта Азіи, на бронзовомъ листѣ, съ нанесеніемъ маршрутовъ путешественника; въ клювѣ оливковая вѣтвь—эмблема мирныхъ завоеваній науки.

Городъ Караколъ былъ переименованъ въ Пржевальскъ.

VI. Двадцатипятилѣтіе со дня смерти Н. М. Пржевальскаго.

Двадцатаго октября 1913 года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти Н. М. Пржевальскаго. На дорогую Россіи могилу, ко дню чествованія памяти Пржевальскаго, былъ командированъ Петербургомъ пишущій эти строки.

Императорское Русское Географическое Общество, Императорская Академія Наукъ, Императорскій Ботаническій садъ Петра Великаго, Генеральный Штабъ и прочія просвѣтительныя учрежденія объединились мыслью воздать должное памяти покойнаго великаго изслѣдователя природы Центральной Азіи.

Каждое изъ этихъ ученыхъ учреждений, гордившееся славою Николая Михайловича, поручило мнѣ въ юбилейный день возложить на его могилу серебряный вѣнокъ съ соответствующей надписью. Я же лично понесъ особенно дорогой мнѣ могилѣ, святой тѣни усопшаго, отчетъ о всемъ содѣянномъ.

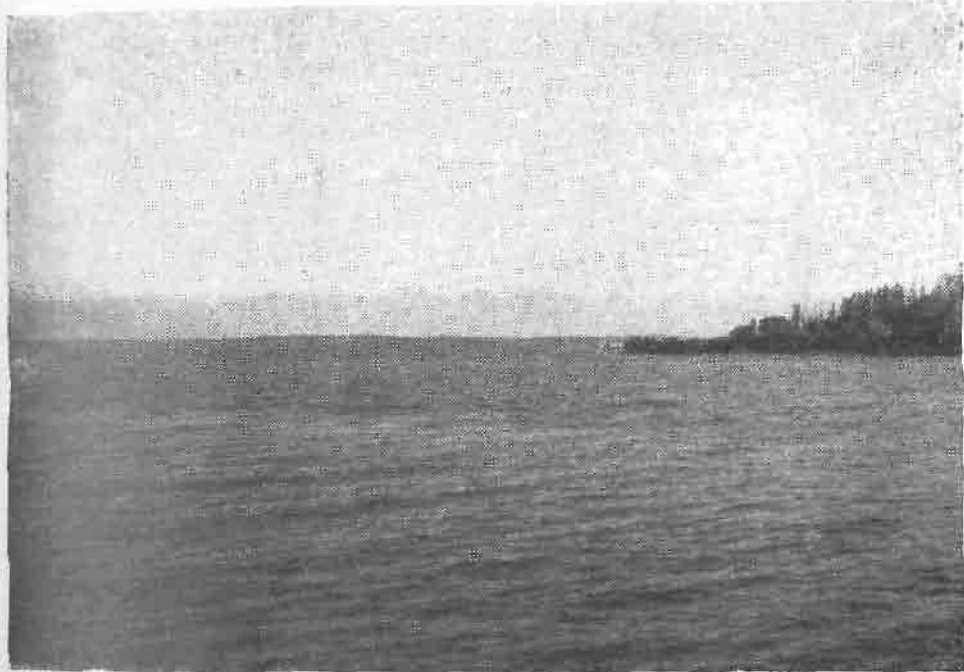
Оренбургская желѣзная дорога приблизила сердце русской Средней Азии

въ дикое, каменистое ущелье Буама, выводящее путника на обширную, сказочно-красивую и привѣтливую долину Иссык-куля.

Мы ѣхали быстро, но мысль еще быстрѣ насъ неслась...

Образъ Пржевальскаго воскресалъ все ярче и ярче...

Въ такихъ мечтахъ и грезахъ мы прибыли въ городъ дорогого намъ имени—Пржевальскъ...

Озеро Иссык-Куль у восточного берега. Снято отъ подножія обрыва съ памятникомъ Н. М. Пржевальскому.

къ родной столицѣ. Вѣдь только четверо съ половиной сутокъ—и вы въ резиденціи туркестанскаго генералъ-губернатора.

Туркестанъ—великолѣпный край: бирюзовое небо, яркое солнце, средне-россійскій лѣтній воздухъ. Въ сердцѣ страны—Ташкентѣ жизнь бьетъ ключомъ, городъ растетъ и растетъ...

Отъ Ташкента до Пржевальска осенній переѣздъ на почтовыхъ носилъ характеръ пріятной прогулки. Каждый день приближалъ къ завѣтной цѣли; особеннымъ образомъ сжалось сердце при видѣ грандіознѣйшей картины природы Центральной Азии, при вѣздѣ

Пріѣхавъ въ Пржевальскъ, мы черезъ часъ-другой уже были у родной могилы, отстоящей отъ города въ 12 верстахъ къ сѣверо-западу, на высококомъ берегу Иссык-куля.

Объ цѣпи Тянь-Шаня, покрытыя снѣгомъ, блестяди и искрились на солнцѣ, какъ въ серебрѣ...

Между цѣпями горъ широко разстилась изумрудная поверхность прелестнаго Иссык-куля.

Припавъ къ могилѣ, я чувствовалъ живое, сильное общеніе съ духомъ великаго учителя...

Пріѣхавъ за двѣ недѣли до 20 октября, я имѣлъ возможность часто

